

Если бы Цзян Чансинь захотел возразить, его красноречия хватило бы на целую корзину доводов, чтобы Чжан Чжиюань отказался сопровождать Е Нина.

Увы...

Сейчас он «дурак». А разве дурак станет спорить?

Цзян Чансинь медленно втянул воздух, собрался с духом и... начал притворно всхлипывать:

— Хочу... хочу пойти... с Е Нином... хочу-у...

Чэн Чжао, стоявший позади с чашкой чая, так вздрогнул, что фарфор едва не выскользнул из рук. Он успел подхватить чашку, но несколько капель всё же пролилось.

Служанка поспешно подала платок и прошептала:

— Осторожнее, не тревожьте госпожу.

Чэн Чжао натянуто улыбнулся. Он бы и рад «осторожнее», да только... видеть, как его хозяин кокетничает, капризничает и даже притопывает ногой - это испытание не для слабонервных. По спине у него будто поток мурашек прокатился.

Но для окружающих всё выглядело иначе. В их глазах Чансинь - просто наивный, умственно недоразвитый юноша. Немного упрям, немного ребячлив, но ничего странного.

Госпожа Цзян сразу всё поняла: сын действительно тянется к Е Нину, хочет быть рядом. Для матери это было почти счастьем.

— Господин Чжан, не утруждайтесь, — мягко сказала она. — Сегодня вы гость. Сидите. Пусть Синь идёт, не нужно его удерживать.

— Но... — замялся Чжан Чжиюань.

Он служил писцом в доме Цзян, получал жалование. Как можно позволить молодому господину самому бегать по поручениям?

— Посмотрите, — продолжала госпожа Цзян, — Синь-эр редко выходит. Пусть прогуляется. Может, разомнётся, и аппетит появится. Пусть идёт.

Е Нин не придавал этому значения. Как и все в деревне, он считал Цзян Чансиня простодушным юношей. К тому же он знал общий сюжет книги и был заранее уверен: сейчас перед ним всего

лишь ребёнок в теле взрослого.

— Кузен, не беспокойся, — сказал он Чжюаню. — Нести недалеко. Я возьму господина Цзяна с собой, мы скоро вернёмся.

— Вот и славно, — улынулась госпожа Цзян.

Так Цзян Чансинь наконец избавился от хвоста в лице слишком внимательного книжника и вышел с Е Нин из дома через задние ворота. Лучшей возможности побыть наедине и желать было нельзя.

От ворот до лапшичной было рукой подать. Возле дома Цзян дорога была вымощена камнем, но дальше начиналась обычная деревенская земляная тропа с галькой. После ночного ливня почва стала скользкой. Е Нин поскользнулся лишь на миг, едва заметно. Он почти сразу восстановил равновесие. Но Цзян Чансинь оказался быстрее мысли. Широким шагом он оказался рядом и одной рукой обхватил Е Нина за талию.

Е Нин: «...»

Цзян Чансинь с самой искренней серьёзностью произнёс:

— Е Нин, осторожнее.

До настоящего падения было ещё далеко, возможно, «осторожностей» оставалось бесчисленное множество, но намерения у него были добрые. Е Нин вежливо кивнул:

— Благодарю.

Скрипнула дверь. Е Нин отворил лавку и прошёл в крохотную кухню за перегородкой. Места там было всего на шаг вперёд и шаг в сторону, но всё прибрано - чисто, аккуратно, без единой лишней вещи.

Он наклонился и достал из угла небольшой глиняный сосуд - с виду винный кувшин. Впрочем, вином там и не пахло: старую тару просто использовали повторно для засолки. Денег на новый чан для маринада у Е Нина не было, приходилось обходиться тем, что есть.

Вернувшись в дом Цзян, он поставил сосуд на стол.

— О? А это что такое? — с любопытством спросила госпожа Цзян.

Е Нин не стал томить и снял крышку.

Цзян Чансинь инстинктивно задержал дыхание. Его «отвращение к пище» делало невозможным даже запах масла или мяса. Обычно он мог есть лишь пресные лепёшки, жидкую кашу да белый паровой хлеб. Он пошёл с Е Нином вовсе не ради еды, а лишь чтобы подчеркнуть своё особое к нему отношение. Аппетита у него не было и в помине.

Крышка приподнялась. Все, кроме Цзян Чансиня, невольно потянули носом... и замерли. Запаха почти не было. Если и был, то едва уловимый солоноватый оттенок.

— Ах! — вытянул шею Цюань Цянь, широко раскрыв глаза. — Это же...

Е Нин кивнул:

— Хунфан.

Красный тофу – ферментированный тофу, окрашенный в рубиновый цвет.

В прежнем мире Е Нина это была самая обычная вещь: кусочек на паровой булочке - и завтрак готов. А если добавить его в кунжутный соус для пекинского хого с бараниной, щепотку зелёного лука и немного ферментированных цветов лука, вкус становился насыщенным и глубоким.

У ферментированного тофу много разновидностей. Красный называют хунфан, есть и зелёный - это и есть знаменитый вонючий тофу. Е Нин сам замариновал хунфан, и теперь он как раз пригодился. Запах у него был почти неощутимый; к тому же Е Нин не делал розового тофу, так что, открыв кувшин, можно было уловить лишь лёгкую солоноватость. Это как раз подходило для Цзян Чансиня с его недугом отвращения к пище, по крайней мере, запах не причинял ему никакого дискомфорта.

Семья Цюань Цяня была богатыми торговцами из Цзяннани, владельцами ресторанов, поэтому хунфан им был знаком, однако он всё же с любопытством спросил:

— Это... ты сам сделал?

Е Нин ответил:

— Я сам его мариновал. Только заливал не самым хорошим вином, так что вкус, возможно, самый обычный, без изысков. Если не побрезгуете, можете попробовать.

В богатых домах хунфан, конечно, видели не раз - на фоне мяса и деликатесов он не казался чем-то особенным. Но старшая госпожа уже пробовала приготовленные Е Нином пянъэрчуань и сушёную рыбку и полностью доверяла его кулинарному мастерству, потому непременно решила отведать.

— Похоже, сегодня мне снова повезло. А этот хунфан... как его есть?

Е Нин вымыл руки, взял белую паровую булочку, разломил её пополам и чистыми палочками положил внутрь кусочек хунфана, равномерно размазав его по середине, затем соединил половинки. И впрямь, белоснежный маньтоу с хунфаном, ярче, чем алые ногти старшей госпожи Цзян, казался особенно аппетитным: соки маринованного тофу мгновенно впитались в мягкий мякиш, и эта самая простая пища неожиданно пробуждала жадное желание поесть.

Старшая госпожа Цзян приняла угощение и при всех откусила.

— Мм! — произнесла она лишь этот звук и больше ничего не сказала.

Цюань Цянь нетерпеливо смотрел на неё:

— Тётушка, как на вкус?

Старшая госпожа молча снова откусила и вновь протянула:

— Мм.

Цюань Цянь с недоумением спросил:

— Вкусно?

Старшая госпожа проглотила большой кусок маньтоу с тофу, тщательно прожевала и лишь тогда неторопливо вытерла губы, после чего произнесла:

— Никогда в жизни не ела столь вкусного хунфана!

Старшая госпожа издавна не любила соленья: вкус у неё был лёгкий, она не переносила чрезмерной солёности и ко всяким соусным и квашеным закускам относилась с вежливым отказом. Деревня Цинтянь была местечком небольшим; с наступлением лета многие продукты трудно было сохранить, да и доставить их сюда было непросто, поэтому в каждом доме непременно заготавливали соленья. Но старшей госпоже они были не по душе, и господин семьи Цзян, жалея супругу, разумеется, всячески старался доставлять свежие овощи и фрукты извне.

Старшая госпожа похвалила:

— Прежде мне казалось, что все соленья сухие и соленые и в них ни капли вкуса, а твой хунфан, Нин-гер, - истинное совершенство; с белым маньтоу он идёт даже лучше, чем мясной

баоцзы!

Цюань Цянь давно уже изнывал от желания попробовать; услышав слова старшей госпожи, он поспешно взял себе булочку, тщательно намазал её тофу и, не в силах терпеть, откусил большой кусок - и тотчас, как и старшая госпожа, широко распахнул глаза, не в состоянии вымолвить ни слова.

Цзян Чансинь был человеком, прожившим две жизни, каких только горных и морских деликатесов он не отведал? Хунфан и цинфан он вовсе не ставил ни во что. Однако то, с каким воодушевлением ели старшая госпожа и Цюань Цянь, оказалось заразительным: они так усердно склонились над едой, что, глядя на них, даже Цзян Чансинь почувствовал голод.

Недуг отвращения к пище у Цзян Чансиня возник не от рождения, а по причине душевной травмы. Если говорить точнее, в прошлой жизни у него вовсе не было этой болезни; лишь переродившись в нынешней, он, напротив, заполучил её. В конечном счёте всё было связано с тем, что императрица Ван его отравила, а Цзян Чансинь, человек глубоко расчётливый и скрытный, не доверял более никому.

А Е Нин...

Е Нин был самым что ни на есть посторонним. В прошлой жизни их с Цзян Чансинем судьбы не пересекались даже краем, как говорится «восемью шестью не достать друг до друга»; к тому же он, как и сам Цзян Чансинь, пострадал от козней семьи Чжоу. Быть может, в глубине души Цзян Чансинь полагал, что этот человек со стороны не станет ему вредить, и потому в нём неожиданно проснулся лёгкий голод.

Е Нин тем временем намазал тофу ещё на один белый маньтоу и протянул его Цзян Чансиню со словами:

— Господин Цзян, не желаете попробовать?

Чэн Чжао, стоявший позади, поспешно попытался остановить его:

— Нин-гер, наш молодой господин он...

Не дав ему договорить, реальность тут же отвесила пощёчину: Цзян Чансинь принял булочку и, «сладко улыбнувшись» Е Нину, сказал:

— Раз Е Нин угощает - съем!

Чэн Чжао: «...»

Он едва не подвернул ногу! И не потому, что земля была неровной, а потому, что в его голове сейчас всё пошло вкривь и вкось...

Цзян Чансинь держал в руке ещё горячий маньтоу; раз уж принял, отступить было некуда. Он задержал дыхание, словно воин, отсекающий себе руку*, даже слегка прикрыл глаза и откусил кусок.

(ПП: В древности воин, схваченный врагом за рукав, мог отрубить себе руку, чтобы вырваться и спастись. Это символ крайней, мужественной решимости, когда ради спасения жизни или достижения цели идут на необратимую жертву и невыносимую боль.)

Сначала он ощутил вкус самого маньтоу, почти безвкусный, лишь с едва уловимым ароматом муки и лёгкой сладковатой отдачей, а затем последовала солёность хунфана, вовсе не чрезмерная, а в самый раз. Если есть его отдельно, непременно захочется запить водой, но, будучи вложенным внутрь булочки, он оказался просто безупречен - ни больше ни меньше, в самый раз, истинный дар к трапезе*.

(ПП: идиома, означает, что возбуждает аппетит и делает еду вкуснее)

В ястребиных глазах Цзян Чансиня мелькнула тень изумления: этот кусок, проглоченный им, был прост, незатейлив и ничем не примечателен, однако отчего-то хотелось откусить ещё, и второй раз, и даже третий.

Цзян Чансинь невольно бросил на Е Нина ещё один взгляд - этот Е Нин и впрямь отличался от прочих...

Е Нин, глядя на него, спросил:

— Господин Цзян, ну как? Съедобно ли для вас?

Цзян Чансинь кивнул; он уже собирался похвалить хунфан Е Нина, как вдруг Цюань Цянь стремительно вклинился между ними, буквально втиснувшись прямо посередине. С выражением неподдельного восхищения, с мерцавшими глазами, словно усыпанными маленькими звёздами, он возбуждённо воскликнул:

— Е Нин, да ты просто невероятен! В нашем заведении тоже маринуют хунфан, но, по-моему, он и близко не так ароматен, как твой. В другой день я непременно наведаюсь к твоему лотку с лапшой, чтобы поддержать тебя!

Оттеснённый в сторону и едва не пошатнувшийся, с маньтоу, который чуть не выскользнул у него из руки и не упал на землю, Цзян Чансинь лишь молча подумал: «...» - вот уж ещё один, кто совсем не чувствует обстановки.

*Хунфан - Твёрдый тофу, прошедший долгую ферментацию в рассоле с добавлением красного рисового дрожжевого грибка, рисового вина, соли и специй.

<http://bllate.org/book/15118/1421424>